"От самого приезда в Оренбург ... я ещё не опомнился"

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ, ИННА ЗУБОВА

В.И. Даль. Письма к сестре из Оренбурга. 1837 год*

Начало 1837 года было весьма напряженным как для оренбургского военного губернатора В.А.Перовского, так и для его чиновника особых поручений В.И. Даля. Во время поездки в Петербург, о которой шла речь в предыдущем письме, решалось множество самых разных вопросов, связанных с делами края. По трагической случайности дуэль А.С. Пушкина произошла как раз во время пребывания Перовского и Даля в Петербурге, и оба приняли самое горячее участие в последовавших событиях.

Кроме того, Даль в этот свой приезд в столицу встречался со многими писателями, издателями, журналистами, намечал новые планы своей литературной работы.

Возвратившись в Оренбург раньше Перовского, он к приезду губернатора приводил в порядок отчет по делам края за прошлый год. Затем город готовился к встрече цесаревича Александра Николаевича, совершавшего путешествие по России. В свите наследника находился и его воспитатель В.А. Жуковский, которого и Перовский, и Даль встречали еще и как близкого друга.

18 июня Владимир Иванович провожал будущего государя до Уральска. Именно в этот день в семье Даля случилось, по-видимому, неожиданное несчастье: умер младший сын, которому в марте исполнился год. Спустя месяц Даль пишет сестре:

Июля 20-го 1837

"Четыре года сряду тешила судьба нас житейным и семейным счастьем и только изредка разве (...) и суетные случаи напоминали нам истину древнего (изречения): нет счастья на земле! Вот и мое семейство познало горькую утрату, по которой молодой и крайне чувствительной матери перенести тяжело; не велик человек, а дом теперь пуст! 18-го июня, в день маменькиного рождения, часу в 3-м ночи Святослав скончался. Я, по приказанию В.А., ездил за наследником в Уральск, воротился уже в тот же день, 18-го в полдень. Юля теперь спокойна и вынесла всю беду лучше, нежели я полагал.

От самого приезда в Оренбург и по нынешний день, право, как-то все делалось так спешно, густо и сумятошно, что я еще не опомнился; зима прошла, весна прошла и лето проходит - а у меня не было еще свободного дня, где бы можно сесть и подумать и опамятоваться. Вот и теперь: пишу к тебе, а сам думаю о другом, передо мною лежит груда бумаг. То большое, то малое, но все (... ... .), а в голове так пусто и бестолково, что не "схаменешься", как говорят на Украине.

Маменька здорова изрядно, у Кистера живет она хорошо и удобно, в особой отдельной комнате и поэтому спокойна - насколько может оставаться; ей не годится жить среди семейства, среди хлопот и суеты житейской, где она видит и слышит все вздоры и (...), и все это рождает разные неприятности. У нас вовсе не было такой отдельной комнатки и это было крайне неловко.

Скоро уберемся мы, думаю, на кочевку, тогда (уж будет) наверное время просмотреть твои тетрадки, и пр.,пр. и я это сделаю. Не нужно тебе посылать ко мне список с твоего перевода "Козьего пуха", если не списала еще, - я увижу статью в С.Пб Газете. Сейчас послал за (...) и если достану, то прямо по (... сделаю) поправки, без которых нельзя передать статью эту в ход; сделай также выноску или замечание, что статья эта была напечатана на русском с погрешностями и опечатками в именах и годах, которые здесь, по указанию сочинителя, исправлены".

В этот день письмо, видимо, осталось незаконченным. Даль продолжает его 25 июня, по всей вероятности, узнав, что ему придется изменить свои планы. Вместо отдыха на кочевке предстоит новая командировка.

"... принимаюсь за работу теперь - иначе опять пойдет на веки веков, потому что я скоро еду с Перовским по губернии", - пишет он, и затем следуют поправки, сделанные к статье "О козьем пухе", которая была опубликована в журнале "Библиотека для чтения" в 1835 г. и которую теперь Паулина переводила на немецкий язык. Поправок немного. Среди них есть уточнения собственного текста, но есть и сердитые замечания по поводу редакторских изменений, внесенных Сенковским, с которыми Даль не может согласиться. После подписи, сделанной по-немецки - Wolmar - следует интересный постскриптум: "Если затем - или просто если, будете писать в Николаев или Одессу, то проси Петра Петровича, чтобы он не забыл, что обещал достать через Леонтия Петровича из Херсонских степей дикую лошадь, т.е. шкуру ее и отослать академику Брандту в Петербург; да еще проси Эдмунда, чтобы он купил мне с пяток (...) и медных порошниц, и пришлите при случае; мои расхватали здесь все, а мне нужно".

Через несколько дней, в Уральске, во время командировки, у Даля появляется время для более обстоятельного письма и он несколько подробнее пишет сестре о своем семейном горе, осмысливает его, понимая необходимость по возможности стойко перенести утрату. Даль мало говорит о делах, которые привели его в Уральск. Поездка, в которой он сопровождал Перовского, была связана с волнениями в казачьем войске и ее нельзя было описывать в личной переписке. Зато он довольно обстоятельно рассказывает сестре о своей литературной работе. Опять упоминает "Памятную книжку для нижних чинов Императорских казачьих войск", сообщает, что закончил "Солдатские досуги", повесть "Бедовик", рассказы "Болгарка" и "Подолянка". Кроме того, он сообщает Паулине о замыслах, связанных с двумя будущими своими произведениями - рассказом "Уральский казак" и повестью "Майна", которая так же, как "Бикей и Мауляна", посвящена жизни и быту казахов, но будет "не так плачевной". Таким образом, в этом письме упомянуты восемь весьма значительных произведений Даля-писателя, из которых шесть впоследствии многократно переиздавались.

4 августа, 1837 г. Уральск.

"Давно, давно и очень давно, сестрица, не писал я тебе ни слова. Сперва почти некогда было, работал, сколько сил было над отчетом за прошлый год, который следовало кончить к приезду В.А., потом то, другое, третие, - дело затянулось, я заленился и когда, проводивши наследника в Уральск, воротился я домой в обед на маменькино рождение, то нашел Святлашу своего - на столе. Долго не верилось нам с женой в беду и горе. Вот, так были мы избалованы в четыре года нашего брака счастьем; особенно для нее, это было что-то новое, к чему она не привыкла. Меня уже не так легко удивить и сбить с толку - грусть и горе не гложет меня и не убивает через меру, а так, заставляет иногда только призадуматься на счет будущего и прошедшего и - предать дело воле Божией. Не миновать же того, чтобы умереть, ни нам, ни детям нашим; а коли оглянешься назад, поглядишь вперед, то видишь и тут и там одну только Вечность - то как-то совестно придавать муравьиному бытию своему такой вес и важность. Ничтожно и суетно привязываться к житейским заботам до такой степени, тогда как час, сутки, год и десять лет в сравнении с этою вечностью так же ничтожны, как один миг в жизни нашей. Коли Богу угодно сохранить и вырастить мне живаго сына, то не стану плакать по мертвым.

Жена крепко порывалась куда-нибудь в деревню, ей летом в городе неимоверно скучно. Мне нельзя было ехать, и мы уже думали оставаться на все лето дома, как В.А.П. вдруг собрался и поехал, за делами, в Уральск и мне велел ехать с собою. Поэтому я в тот же день отправил жену с Арсланом к Циолковскому в деревню, где они живут довольны и веселы уже около месяца, а мы сидим в Уральске, откуда, однако, скоро отправимся домой.

Тогда надобно опять засесть на полгодика, до весны, и поработать.

*Посылаю тебе, при открывшемся случае, книжечку мою, которая наконец вышла. Кой-что выкинуто, но, спасибо, ничего не переменили. Она разослана во все казачьи войска.** *Теперь я приготовил: "Солдатские досуги", книжка, которой выйдет, если Правительству будет угодно, несколько частей и которая назначена для солдатского чтения и заключает дельное и шуточное, забавное и поучительное, в коротких, перемежающихся между собою статьях. Не знаю, как она понравится.*

*Между тем написал я еще повесть "Бедовик" - мне она нравится больше всех моих повестей - и "Болгарка", и "Подолянка", два рассказа, которые, по-моему, менее важны. "Болгарка" будет, кажется, в "Наблюдателе", но "Бедовик", возможно, поступит прямо в (читку). Сущая беда эти господа книгопродавцы, издатели да передаватели! Как только сам не на месте, то не добьешься никакого толку. Так по самой (сути) и новый мой издатель, заключив со мною условия и выдав половину денег наперед, замолчал и молчит. Я много заготовил запасов про (...), которые доныне деятся и творятся в Уральском Войске, нрав и быт совсем отдельные, особые; обычаи и отношения мало известные, но замечательные и достойные любопытства. Заготовлено у меня также все для новой "Киргизской повести", не так плачевной, как "Мауляна", а более забавной - и смешная, шуточная, забавная сторона азиатского, степного быта, кажется, будет новой.****

Все это, и старания, и работа, и труды наши - все это так пусто; все пропадет (как есть) и кажется, не стоило бы и начинать - но на что же дан человеку ум-разум и душа, если не на временное (творение)? Кто угодит на лучших современников своих, тот жил для всех веков и для потомства. А свыше сил своих никто не живет.

Прощай и будь, сколько можешь, здорова".

Еще одно письмо 1837 года расшифровано нами не полностью и приводится частично.

Оренбург, 4-го окт.

"Много бы, кажись, в сутках времени, да при дележке не поровну на всех достается: кому делать нечего, у того досугу много, кому есть что делать, у того не хватает часу", - таким похожим на пословицу высказыванием начинается это письмо.

Не стоит и говорить о том, что Далю "не хватало часу" постоянно. Сестра продолжает переводить его работы на немецкий язык и по ходу дела у нее возникают вопросы, на которые брат отвечает и в этом письме. Он пишет о поговорках, которые нередко перекликаются в разных языках, обращается при этом к зятю:

- "Петр Петрович знает много немецких поговорок, которые могут заменить русские". Затем упоминает об очередной своей сказке, о статье, посвященной возведению моста через Вислу, которую, как и сказку, Паулина собирается переводить, и о другой работе, посвященной русским невольникам в Хиве. Эта проблема в тот момент была одной из основных для канцелярии Оренбургского военного губернатора.

- "Сказка "Чингиз-Хан" напечатана в "Сыне от(ечества)" 1835, №4; и она там с большими ошибками. Я пришлю ее списанную, вместе с описанием моста. Если поместишь в Немецкой Газете отрывок о невольниках наших в Хиве, то можешь сделать оговорку: "Молва говорит, что ныне правительство наше приняло меры для их освобождения, и если верить слухам, по-видимому достойным вероятия, то пленники наши будут вскоре возвращены в Россию..."

Даль реагирует на известия о гибели писателя-декабриста Александра Марлинского (А.А.Бестужева), убитого в стычке с горцами на мысе Адлер 7 июня 1837 года, высказывает мнение о его прозе, видимо, не особенно высокое: "... сердце отстало от головы, если не силою чувств своих, то по крайней мере благородством. Между ним и Пушкиным, о котором ты поминаешь в то же время, в этом отношении была большая разница: этот грешил в свое время порывами молодости, легкомыслия и как бы на зло судьбе и людям, которые его огорчали и не понимали; тот готов был посягнуть на все. От этого они и не сошлись, и Пушкин его не жаловал..."

Заканчивается письмо так же, как и начинается, - жалобой на недостаток досуга для спокойной работы:

"Время у меня изорвано на клочки и я не могу приняться ни за что порядочное; чтобы написать что-нибудь (...) и потолковее, надобно месяц-другой не отрываться и не развлекаться. Поэтому... ... ... пишу повести, сказки, как письмо это, урывками и думая о другом. Запасов у меня наготовлено много; дай Бог, пожить еще на свете, нарадоваться благоденственным положением моим, которого лучше и счастливее желать было бы грешно, и со временем да помаленьку будем подвигаться вперед. У нас все здоровы. Прощай.

В.Даль".

*) Исследование проводится при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда РАН (РГНФ).

**) "Памятная книжка для нижних чинов Императорских казачьих войск.

***) Повесть "Майна".

ГОД В.И. ДАЛЯ